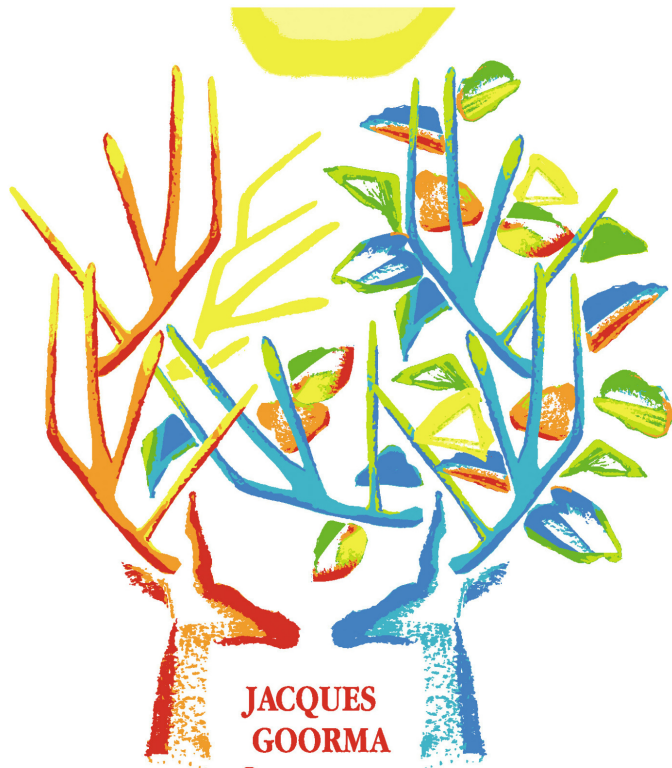

**JACQUES
GOORMA**

Brève
Anthologie

**ЖАК
ГОРМА**

Избранные
стихотворения

Перевод Валентины Чепиги / Предисловие Елены Труутс

Жак Горма

Избранные стихотворения / Brève Anthologie

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66836638
Избранные стихотворения: Омега-Л; Москва; 2021
ISBN 978-5-370-04783-1*

Аннотация

Жак Горма – современный франкоязычный поэт, лауреат женеvской премии Plume d'Or (1983), премий Общества Писателей Эльзаса, Лотарингии и Бельфора (2000) и Франсуа Копэ Французской Академии (2018). Стихотворения для этого сборника поэт выбрал сам, стремясь показать русскоязычному читателю самые важные грани своей поэтической вселенной. В его поэзии находят продолжение философские изыскания бельгийского драматурга Мориса Метерлинка, происходит попытка показать невидимое, невыразимое и невысказанное. Поэтический текст становится лабораторией поэтического творчества, источником знания о жизни, о природе и о человеке. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Жак Горма	4
Предисловие	5
beau-pierre	12
ве-ка-мень	14
rêveil	17
про-буждение	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Жак Горма

Избранные стихотворения

© Чепига В. П., текст, перевод на русский язык, 2021

© Труутс Е. И., предисловие, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство

*** * ***

Предисловие

Современная французская поэзия – место эксперимента. Она то отказывается от рифмы, то игрой слов и смыслов ускользает от понимания, то возвращается к простоте. И язык мы изучаем в его живом, постоянно стремящемся к изменениям состоянии. Стоит ли лишать себя удовольствия, получаемого от обращения к актуальной поэзии на французском языке? Она отражает не только традицию, но и стремление языка к обновлению, а также развитие философской мысли. Поэзия переведённая – мастерская по передаче содержаний и смыслов между культурами.

Перевод – и процесс, и важный результат для понимания поэтического текста. Валентина Чепига, лингвист и писатель, участвующая в проектах франко-российского культурного обмена в сфере литературы и поэзии и представившая российскому читателю не одного французского поэта¹, открывает для нас тексты Жака Гормá, которые ещё не переводились на русский язык. В них сочетаются продолжение европейской литературной традиции символизма и неожиданная простота формы, освобождённой от рифмованной условности. А за видимой простотой скрывается целая вселенная и, вместе с ней, попытка ответить на самые вечные –

¹ Например, философская поэзия Филиппа Бека: Филипп Бек. Поэзия. Рипол-Классик, 2019.

и одновременно самые человечные вопросы.

Жак Горма (род. 2 августа 1950 г. в Брюсселе) – современный поэт франко-бельгийского происхождения из Страсбурга, кандидат филологических наук (Docteur ès Lettres), посвятивший свою жизнь театру, литературе и поэзии. Основатель регулярных литературных встреч Poétiques de Strasbourg, Горма – лауреат женевской премии Plume d'Or²(1983 г.) и нескольких других важных литературных премий, в том числе премии Общества Писателей Эльзаса, Лотарингии и Бельфора (2000 г.) и престижной премии Франсуа Копэ от Французской Академии (2018 г.). Кроме того, Горма – специалист по творчеству поэта и философа XIX века Сен-Поль-Ру, автор многочисленных эссе об этом французском символисте. Его стихотворения уже переводились в Европе, и сейчас настала очередь русского языка.

Стихотворения «Краткой антологии» поэт выбрал сам специально для своего переводчика, стремясь показать русскоязычному читателю самые важные грани своей поэтической вселенной. Переводима ли поэзия? Кого читаем мы, поэта или переводчика? Отвечая на вечные вопросы, заданные ему Валентиной Чепигой в интервью, опубликованном на сайте конкурса перевода INALCO RUSSE OPEN, Горма отмечает, что поэтический текст сам по себе, вероятно, является воплощением в слове того, что высказать невозможно, и в этом парадокс поэзии: она непереводаима, но в то же

² В переводе с французского – «Золотое Перо».

самое время переводится.

Из русской поэзии мы уже знаем, что «мысль изречённая есть ложь», но категория невысказанного, упомянутая Гор-ма, выдаёт бельгийские корни поэта и его увлечение сим-волизмом. В его поэзии находят продолжение философские изыскания бельгийского драматурга Мориса Метерлинка, в пьесах которого, по мнению французского исследователя Жерара Дессона, происходит попытка показать невидимое, невыразимое и невысказанное, а точнее – то, что высказать невозможно.³ И у Горма мы тоже читаем:

Невыразимое

Стихотворение
есть песнь
немого.

Немота перестаёт быть ограничением, а молчание – один из лейтмотивов поэзии Горма – становится источником невысказанного и вечного на фоне преходящего – например, «птиц щебетанья». Кроме того, у Горма мы встречаем строчки, которые могли бы послужить ремарками к пьесам Метерлинка: «И слово каждое укрыто тишиной». Или: «В тот час, когда ночь расплетает косы, / бросая на сердце забвенья россыпь.» В переводе Валентины Чепиги «локоны девиц»,

³ Dessons, Gérard, *Maeterlinck, le théâtre du poume*, Paris, éditions Laurence Teper, 2005 [Дессон, Жерар. Метерлинк, театр поэтического текста. Париж: Лоранс Тепер, 2005].

которые в одном из стихотворений Горма названы «девушками воды» («les filles de l'eau»), – будто длинные волосы Мелисанды или какой-нибудь ещё героини пьес Метерлинка, а «под ногами расплетается невидимая гирлянда фей». Поэзия Горма вообще невероятно образна и не теряет связи с символизмом. Чего стоит одна лишь строка: «Хлеб дня печётся из муки сновидений». Здесь и глубокая метафора, и связь действительного и потустороннего. Мы как будто одновременно оказываемся в судьбой отмеченном семейном доме из пьесы «Там, внутри» Метерлинка и за гранью мира приземлённого.

У Горма тексты – метапоэзия. Поэтический текст сам становится местом знания о поэзии, лабораторией поэтического творчества, источником знания о жизни, о природе, о человеке. Поэзия буквально вписана в мир: «небо пересекает фраза», «небо как страница» (небо – лейтмотив), «пробелы словно птицы», «страница освежает взглядом». В «многослойном» поэтическом тексте «Иногда» (Parfois), создающем двойное высказывание, названия частей составляют фразу («Иногда» «Он говорил»), которая сама по себе метадискурсивна, а в самом стихотворении речь идёт о поэте-философе, находящемся в поисках знания и стремящемся «понять зерно стихотворения, о котором рассказать невозможно».

«Иногда» – стихотворение в прозе, а у Горма «любая проза ведёт к поэзии». Проза – мир, поэзия – то молчание, ко-

торое только поэту высказать под силу. Поэтическую прозу, как и нерифмованную поэзию, переводить сложнее. Уже не опереться на рифму, чтобы передать поэтичность текста, который тем не менее должен сохранить свою форму и содержание, чтобы читаться как единое целое, как поэтическая система. Переводчик что-то сохраняет и чем-то жертвует, но мастерство проявляется в том, чтобы переведённое стихотворение воспринималось как самостоятельное произведение. Кроме того, важно было передать игру слов, сохранив её поэтически значимой в системе творчества поэта. Например, название сборника: «Ве-ка-мень». По-французски «Reau-pierre» («Кожа-камень») созвучно слову «веко» (речь идёт о глазном веке) – «рауриèге». В название вписаны одновременно человек и вечность – ещё одна тема, красной нитью проходящая в текстах Горма, и перевод передаёт это значение.

Когда наступает ночь,
тянет по́ небу
тучи лёгкий ветер,
когда она нас оставляет
одних в просвете
земной судьбины,
мы понимаем вдруг, резко,
что здесь были всегда мы,
что это —
наше место.

Это стихотворение – простое и понятное, однако за ним скрывается целый пласт символизма, а ещё угадывается гипотеза Гайи Джеймса Лавлока – мысль о том, что наша планета – единая живая система, одушевлённая неким всеобщим бессознательным. Да и в традиции символистов есть особое природное бессознательное.

Неслучайно в конце XIX века Морис Метерлинк в одоимённых эссе изучал разум цветов и жизнь пчёл⁴, а его современник философ Эдуард фон Хартман сформулировал идею о некоем бессознательном начале, лежащем в основе всего сущего. В поэзии Горма явно просматриваются эти глубокие философские идеи. У него тоже так: каждый наш настоящий момент вписан в вечное движение жизни, и «небо, огромное и прозрачное [...] наблюдает [...] за всеми обитателями Земли», а внизу деловито снуют муравьи («Муравейник»). Поэтический текст Горма вопрошает о тайне, и в центре вселенной – человек и его предназначение «в просвете земной судьбины»:

Человек —

это тайна, рассказанная так быстро,
что мы не успеваем ухватить её суть.

⁴ Maurice Maeterlinck. «Жизнь пчёл» (La Vie des abeilles), 1901, и «Разум цветов» (L'Intelligence des fleurs), 1907.

Чтобы «ухватить суть» нашей собственной тайны, у нас есть целые эпохи человечества, тома энциклопедий и достижения тех, кто исследует Землю и космос, раскрывая секреты близлежащих планет. Но есть у нас и поэзия как особый и необходимый вид знания о человеке и о мире, который его окружает. Знания, связанного со словом, составляющим фразу, и с тем, что прячется в её пробелах. Что там, на следующей странице?

*Елена Труутс,
поэт, специалист по творчеству Натали Саррот
и современной франкоязычной поэзии*

peau-pierre

Henry Fagne, 1974

Sous ses paupières brûlantes
la page ouvre ses yeux frais.

*Cette pierre sur laquelle j'aiguise mon crayon
et dont le bruit réveille et attire
à l'angle aigu du hasard un lézard fasciné;
cette pierre hurlante et muette
garde trace de l'invisible faux.*

La terre glisse sous nos paupières
entre l'éboulis des nuages et celui des pierres.

À l'heure où flanchent les genoux du jour
et s'épanche la longue chaîne rêveuse de l'amour;

À l'heure où les lourdes tresses de la nuit
se dénouent sur ton cœur et baignent ta nuque dans l'oubli;

À la naissance des reins d'une vigne
où glisse de sa hanche la longue traîne silencieuse des
collines.

ве-ка-мень

Издательство «Анри Фань», 1974

Пусть веки обжигают,
страница освежает взглядом.

*Камень... я точу о него карандаш,
его звук пробуждает, манит,
на краю его – ящерица горит.
Камень, воющий и молчащий,
след хранит неувиденной лжи.*

Прикроешь веки, заскользит земля,
то облаком, то камнем нас слепя.

В тот час, когда у дня подкашиваются ноги
и начинаются любовные дороги,

В тот час, когда ночь расплетает косы,
бросая на сердце забвенья россыпь,

Когда родится виноградная лоза,
сбегая по пригорку, как слеза.

Cette vague qui enfle et déferle ses hanches de perles,
cet arbre qui monte et gonfle la gorge des merles,
deviennent, au rivage où s'enlise l'image,
aux sables des paupières qu'amenuisent les âges,
ce chuintement des feuilles qui se frôlent, filles de l'eau,
ce chuchotement du silence derrière toute parole.

Le soleil se délivre de sa stupeur de cuivre,
la pierre se libère de sa torpeur de pierre,
l'arbre sort de son sommeil de feuilles,
quand l'oiseau tire à longs traits son chant du silence
et la substance du jour de son linceul.

Волна раздулась, бьётся жемчугами,
ствол дерева растёт и полнится дроздами, —
увязнув в образе на берегах ресниц, —
где годы вспять идут. И локоны девиц
переплетаются, шепча, с листвою.
И слово каждое укрыто тишиной.

Освобожденье солнца от медяного ступора,
высвобожденье камня от каменного торпора,
и дерево забудет все лиственные сны, —
на щебетанье птицы поднимутся ресницы
для зачинанья дня, ухода тишины.

rêveil

Henry Fagne, 1978

Louve,
ventre tiède
où roucoule la forêt.

*

De la farine du sommeil
est fait le pain du jour.

*

Laisse le bonheur inexplicable t'envahir
comme après une nuit torrentielle
monte s'ébahir dans le ciel
l'aube citrine.

Homme,
relais secret que l'on passe en courant
sans en saisir jamais l'ultime sens.

Texte
ayant déjà, dans ses labyrinthes subtils
en quelques salves d'ombres,
égaré plus d'une lueur.

про-буждение

Издательство «Анри Фань», 1978

Лес
воркует в тёплом
нутре волчицы.

*

Хлеб дня печётся
из муки сновидений.

*

Впусти необъяснимость счастья:
так в одночасье бурной ночи
лимонная заря урочит
небеса.

Человек —
это тайна, рассказанная так быстро,
что мы не успеваем ухватить её суть.

Это текст,
в неосязаемых лабиринтах которого
изначально затерялись
отблески света.

*Que fais-tu à écrire ainsi?
Est-ce l'air que tu respires
qui te rend si léger?*

La poésie a son chien d'arrêt
pour lever en pleine lumière
l'ombre giboyeuse.

Quand elle sort avec son chien d'arrêt
pour qui la proie obscure est odeur
(devient frémissement jusqu'à le rendre fou),

la poésie sait rappeler le chien d'arrêt
à son silence, de son aigu sifflet.

La poésie tient le poète à son collet.

*

Le rameur de l'aube
tous les matins revient
et tire avec lui le lourd filet de l'autre monde.

Le passeur de l'aube
sans qui le rêve ne franchit
le cercle magique de l'oubli

Le pêcheur du rêve
ramène au petit jour
les promesses frissonnantes de la nuit.

*Почему ты так пишешь?
Воздух ли, которым ты дышишь,
придаёт тебе такую лёгкость?*

У поэзии есть свои гончие,
они гонят на свет
богатые дичью тени.

Когда поэзия спускает свою гончую,
которая чувствует неясную добычу
(превращающуюся в сводящее с ума волнение),
она умеет и отозвать гончую,
утихомирить её по свистку.

Поэзия держит поэта на коротком поводке.

Каждое утро
возвращается лодочник,
тащит отяжелевшие сети иного мира.

Паромщик,
без которого сны
останутся в волшебном круге забвения.

Ловец снов,
что приносит на рассвете
трепещущие обещанья ночи.

Poème, lambeau,
fragment du flambeau inapprochable
et qui nous brûle...
Un tas de paille givrée luit au soleil
Une phrase traverse le ciel
On ne pense pas à compter les mots
On regarde passer les oiseaux

L'aile lasse l'air
Effort sensible de la pensée

Il voulut se lever pour écrire
le poème qu'il gravait dans sa tête
le rêve qu'il tâchait de retenir

*Tu es né couché, le nez en l'air toujours fourré
dans les soieries incomparablement lisses
et luisantes du ciel
Tu as grandi et en te levant ton regard
progressivement s'est couché sur la terre.*

*La force de ton vge est tendue a l'arc
de son horizon
La vieillesse te plie, te penche
comme pour écouter l'ultime confidence
Tu épouses enfin la sagesse courbe de la terre*

Стихотворение – лоскут,
часть обжигающего факела,
к которому нельзя прикоснуться...
В солнечных лучах сверкает покрытая инеем солома,
небо пересекает фраза —
и мы забываем о словах,
мы наблюдаем за полётом птиц.

Крылья оставляют воздух позади —
это усилие рождает мысль.

Ему захотелось встать, чтобы записать
стихотворение, что он пытался запомнить, —
сон, который старался не забыть.

*Ты родился спящим, лицом, повернутым к небу,
родился в удивительно тонких шелках,*

струящихся, сверкающих, небесных.

Ты вырос, ты смотришь в небо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.